
ЧАРЛЬЗ
ДИККЕНС
ВОЛШЕБНАЯ
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
ИСТОРИЯ

Волшебная рождественская история

Чарльз Диккенс

Аннотация
Чарльз Диккенс. Волшебная рождественская история
Глава I. Тень Марли
Глава II. Первый из трёх духов
Глава III. Второй из трёх духов
Глава IV. Последний из духов
Глава V. Заключение

Аннотация

Знаете ли вы, почему люди так любят Рождество? Это самый добрый и весёлый праздник, когда в каждом доме пахнет угощениями, все дарят друг другу подарки и ждут гостей. В этот день люди стараются быть добрее и внимательнее к ближним, спешат творить добрые дела и забывают про обиды. Герой этой истории не любил Рождество, пока волшебные духи не показали ему, как он ошибался. И всё в его жизни изменилось…

Чарльз Диккенс
Волшебная рождественская история

© ООО «Феникс»: оформление, 2022
© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com, 2022

* * *

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

ВОЛШЕБНАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2022

Глава I
Тень Марли

Скрудж был настоящий скряга — алчный, расчётливый, крепкий, как кремень, скрытный, угрюмый и замкнутый. Похоронив своего единственного друга и компаньона Марли, он стал распорядителем его имущества, единственным наследником его собственности, и один только он оплакивал смерть Марли. Впрочем, горе не помешало справить похороны с выгодой для себя, как и подобает банкиру. Он даже не уничтожил имени компаньона на вывеске конторы: ему решительно было всё равно, важны для него были лишь деньги.

Никто при встрече с ним на улице не останавливался, чтобы дружелюбно спросить его: «Как поживаете, дорогой Скрудж?» Нищие никогда не ждали от него милостыни; дети не спрашивали у него, который час; никто из встречных за всю его жизнь не просил указать дорогу. Казалось даже, что собаки-поводыри слепых нищих, завидя банкира, скорее утаскивали своих хозяев куда-нибудь подальше, чтобы не встретиться.

Скрудж не обращал на всё это никакого внимания. Напротив, ему нравилось жить отшельником, без всякого людского сочувствия.

Однажды в канун Рождества наш старый Скрудж сидел в своей конторе. Погода стояла холодная, мрачная, резкая и туманная. Он оставил дверь конторы отворённой, чтобы наблюдать за писцом, который копировал письма в соседней каморке, тесной и мрачной. Камин у Скруджа топился очень слабо; у писца же, казалось, тлел один только уголёк. Но клерк не мог добавить огня, потому что ящик с углями стоял в комнате Скруджа, и каждый раз хозяин угрожал его уволить. Писец кутался в шарф и старался согреться у свечки.

— С весёлым Рождеством, дядя! Да хранит вас Господь! — послышался вдруг радостный голос племянника Скруджа, быстро вошедшего с мороза.

DECEMBER

— Что за вздор! — привычно ответил тот. — Рождество! Какое право имеешь ты радоваться? Какая причина тебе быть весёлым? Ты, кажется, довольно беден.

— Скажите лучше, какое вы имеете право быть печальным? По какой причине вы так угрюмы? Вы, кажется, довольно богаты. Чего ж вы сердитесь?

— Не говори мне о радостном Рождестве! Принесло ли оно тебе добро?

— Я считаю этот день самым лучшим в году: добрым, всепрощающим, любящим, весёлым. Это единственный день, когда сердца богатых способны видеть в бедняках людей, а не существ другой породы, предназначенных только для страданий. И хотя Рождество никогда не положило мне в карман ни одного куска золота или серебра, всё же я уверен, что оно приносит добро, и я благословляю его. Не сердитесь, дядюшка! Приходите-ка лучше к нам завтра обедать.

Но Скрудж наотрез отказался, и никакие уговоры не заставили его переменить мнение. Пожелав счастливого праздника писцу, племянник покинул контору.

Вошли двое почтенных мужчин приятной наружности и с поклоном предложили ему в

честь праздника проявить щедрость и сделать пожертвование:

— Тысячи людей нуждаются в самом необходимом, сотни тысяч не имеют самых простых удобств. Мы стараемся составить капитал, который позволит покупать бедным мясо, питьё, топливо и тёплую одежду.

При зловещем слове «щедрость» банкир насупил брови:

— Прошу, оставьте меня в покое, господа. Я сам на Рождество не веселюсь и не имею средств доставлять возможность веселиться лентяям. Если они даже умрут, тем лучше: они уменьшат излишек населения.

Видя, что дальнейшие настояния бесполезны, господа удалились. А Скрудж продолжал работу в более весёлом расположении духа, чем был ранее.

Между тем туман делался всё гуще, а мороз — крепче, пронзительнее, нестерпимее.

Один бедный мальчик, носик которого посинел от холода, остановился у двери конторы, чтобы порадовать хозяина рождественской песней; но Скрудж прогнал его, и тот с ужасом убежал, оставив скрягу глядеть в свои книги.

Настал наконец час запирать контору. Неохот-

но встал банкир со своего стула и тем подал знак писцу в каморке, который поспешно потушил свечку и надел шляпу. Ворча, Скрудж покинул контору. Писец запер её с быстротой молнии и бросился домой, играть в жмурки со своими детьми.

Банкир отобедал в мрачном трактире, куда имел обыкновение ходить, прочёл все газеты и отправился домой. Он занимал квартиру, принадлежавшую некогда его покойному компаньону. Марли умер семь лет тому назад, но ни разу за всё время Скрудж не вспомнил компаньона. Тем более странно, что, взявшись за ручку двери, Скрудж ясно увидел вместо молотка на двери лицо Марли, освещённое каким-то слабым светом. Но как только он начал вглядываться, лицо исчезло и дверной молоток оказался опять молотком.

Скрудж испугался, однако смело повернул ключ, вошёл и зажёг свечку. «Вздор», — произнёс Скрудж по обыкновению и захлопнул дверь. Он тихо поднялся по лестнице, по стенам которой двигались какие-то тени. Прежде чем запереться в комнате изнутри, он осмотрелся.

DRURY
LANE

Всё было в обычном виде: и кабинет, и спальня, и кладовая. В камине тлел слабый огонь; кастрюлька с тёплым питьём на случай простуды стояла на каминной заслонке. Никого не было под кроватью, никого в шкафу, в кладовой тоже всё было на своих местах. Довольный осмотром, Скрудж заперся на замок, даже повернул ключ два раза, чего не делал прежде. Он надел халат, туфли, ночной колпак и сел к огню, принять своё тёплое питьё.

Из старого камина, выложенного голландскими изразцами, снова возникло лицо Марли, умершего семь лет тому назад.

«Какой вздор!» — сказал Скрудж и прошёлся по комнате. Походив немного, он опять сел. К неописуемому его удивлению, колокольчик на двери начал медленно качаться, потом быстрее и громче, ему вторили все колокольчики в доме. Затем всё смолкло. И в самом низу, в подвале дома, послышалось какое-то звяканье, точно кто-то тащил тяжёлую цепь. Скрудж вспомнил, что слышал, будто духи, которые являются людям на земле, всегда тащат за собою цепи. Дверь погреба с треском отворилась, и Скрудж услыхал тот же звук, но более явственный, в нижнем этаже, затем на лестнице и наконец у самой двери своей

комнаты.

«И всё-таки вздор! Не хочу этому верить!» — не сдавался он. Однако переменился в лице, когда привидение, не останавливаясь, прошло сквозь дверь в комнату и предстало перед ним. Это была фигура Марли, в привычном камзоле, узких панталонах и длинных сапогах. Железная цепь, которая обвивала Марли, извивалась как хвост; её звеньями были денежные ящики, ключи, замки, конторские книги и тяжёлые мешки с деньгами.

— Ну здравствуй, Эбенезер Скрудж!

— Кто вы такой?

— При жизни я был вашим компаньоном, Якобом Марли.

Привидение уселось по другую сторону камина и с таким ужасным шумом потрясло своею цепью, что Скрудж схватился за стул, чтобы не свалиться в обморок. Он упал на колени и взмолился:

— Пощади! Зачем ты, страшное видение, тревожишь меня?

— Душа каждого человека должна принимать участие в других. И если она не исполнила этого предназначения при жизни, то обречена выполнить его после смерти. Она осуждена бродить по свету и — о, горе мне! — видеть то, что уже не может исправить. Знаешь ли ты, что никакое

раскаяние не может загладить целой жизни, потраченной даром? И я этого не знал!

— Отчего вы скованы?

— Я ношу цепь, которую сковал себе при жизни, постепенно прибавляя к ней звено за звеном. Неужели тебе не кажутся знакомыми эти звенья? Или, может быть, ты желаешь знать вес и длину той цепи, которую сам носишь? Она была такой же, как моя, семь лет тому назад. С тех пор ты много над нею работал, она получилась ещё тяжелее.

С каждым словом бывшего компаньона Скрудж дрожал всё сильнее. Он посмотрел на пол, как бы желая увидеть вокруг себя длинную железную цепь, но не увидел ничего.

— Сегодня я пришёл предупредить тебя, Эбенезер, — продолжил дух, — что ты можешь ещё избежать моей участи; я придумал для этого средство. Тебя посетят три духа.

У Скруджа самого был уже вид привидения.

— Ожидай первого из них завтра, когда пробьёт час ночи. Второго — в следующую ночь, в то же время. Третий придет в третью ночь, с последним ударом полночи. Меня ты больше не увидишь; но помни всё, что я сказал.

Тень Марли медленно растаяла, и снова во-

царилась тишина. Скрудж быстро запер окно и осмотрел дверь: она была заперта, задвижка цела. Он хотел, по обыкновению, сказать «вздор», но остановился на первом звуке. От волнения ли, от усталости или позднего часа ночи Скрудж почувствовал сильную потребность в отдыхе, бросился в постель не раздеваясь и тотчас заснул.

Глава II
Первый из трёх духов

Когда наш герой проснулся, было так темно, что он едва мог отличать прозрачные окна от непрозрачных стен своей комнаты. Тяжёлый колокол пробил шесть, затем семь, восемь, и так до двенадцати, и остановился. Двенадцать! Он вскочил с постели и выглянул в окно. Там было темно, туманно и чрезвычайно холодно, на улице не было никакого движения.

Мысль о тени Марли крайне тревожила Скруджа. Сомнения грызли его: сон или нет? Он лежал в раздумьях, пока куранты не пробили час.

В то же мгновение в комнату ворвался свет, и полог у постели был отдёрнут чьей-то рукой. Скрудж вскочил и встретился лицом к лицу с неземным посетителем. Ночной гость имел фигуру ребёнка, белые волосы до плеч, на лице не было ни одной морщинки. На нём была белоснежная туника, опоясанная блестящим поясом, в руке зелёная ветка, а платье украшено летними цветами.

— Я дух прошедшего Рождества.

— Давно прошедшего? — полюбопытствовал Скрудж, присматриваясь к крошечному существу.

— Нет, вашего последнего Рождества, — ответил тот, протягивая руку и ласково увлекая за собой.

Они прошли сквозь стену и очутились на просёлочной дороге, по обеим сторонам которой тянулись поля. Город скрылся из вида, исчезли также темнота и туман; был ясный холодный зимний день, земля была покрыта снегом.

Скрудж осмотрелся и узнал:

— Боже мой! Я здесь воспитывался; я был здесь ребёнком!

Ему чудились в воздухе тысячи запахов, с которыми связывались сотни давным-давно забытых дум, надежд, радостей и забот. Он узнавал каждые ворота, каждый столб, каждое дерево. Вскоре показался маленький городок, мост, церковь, извивающаяся река. Несколько косматых лошадёнок бежали мелкой рысцой, и мальчики, ехавшие верхом, перекликались друг с другом. Дети были чрезвычайно веселы, их звонкий смех раздавался далеко по воздуху.

— Это только тени того, что когда-то существовало, — произнёс дух, — они не видят и не

слышат нас.

Весёлая ватага приближалась, Скрудж каждого знал по имени. Почему он так радовался, видя их, почему холодные глаза заблестели и сердце забилось, почему доставляло ему удовольствие слышать, как они желали друг другу весёлого Рождества, расставаясь на перекрёстках? Что было в Рождестве радостного для него? Прочь мысли о радостном Рождестве!

— Школа ещё не совсем опустела, — сказал дух. — Там до сих пор сидит одинокий мальчик, оставленный своими близкими.

Банкир понял, что он это знает, и заплакал. Они свернули с дороги на хорошо знакомую Скруджу тропинку и подошли к тёмному кирпичному строению, над крышей которого возвышалась небольшая башенка с колоколом и флюгером. Это был большой дом, совершенно запущенный. Стены его были покрыты плесенью, окна разбиты, ворота развалились, в конюшнях гуляли и кудахтали куры; сараи и навесы заросли травой. Из мрачной передней можно было заглянуть в комнаты и видеть их убогую обстановку, холод и запущенность.

Посетители прошли через переднюю и остановились у двери в заднюю часть дома. Дверь

отворилась: в мрачной убогой комнате сидел у слабого огня одинокий ребёнок и читал. Скрудж сел на скамейку и заплакал от жалости к маленькому себе, несчастному и забытому, как бывало в то время.

— Я бы желал… — пробормотал он, вытерев слёзы рукавом и оглядываясь, — но теперь уже поздно.

— В чём дело? — спросил дух.

— В прошлую ночь один мальчик пел у моих дверей рождественскую песнь; мне бы хотелось дать ему что-нибудь.

Тут на лице духа показалась задумчивая улыбка; он сделал движение рукою:

— Посмотрим другое Рождество.

И при этих словах прежний маленький Скрудж вдруг сделался старше, а комната стала немножко темнее и ещё грязнее. Двери покосило, окна потрескались, штукатурка осыпалась с потолка. И вот опять он здесь один, когда все мальчики отправились домой на весёлые праздники.

Он теперь не читал, но в отчаянии ходил взад и вперёд по комнате. Дверь отворилась, и маленькая девочка вбежала в комнату, бросилась ему на шею с поцелуями:

— Милый, милый мой брат! Я приехала за то-

бою, чтобы отвезти тебя домой, домой, домой!

— Домой, маленькая Фанни? — спросил удивлённый мальчик.

— Да, — отвечала сияющая от радости девочка, — домой, совсем и навсегда. Отец стал такой добрый, он так ласково говорил со мною один вечер, когда я шла спать, что я не побоялась спросить его ещё раз, можешь ли ты вернуться домой. Он ответил, что можешь, и послал меня в карете за тобою. Ты никогда больше не вернёшься сюда; мы проведём все праздники вместе и будем веселиться!

Она хлопала в ладоши, смеялась и вставала на цыпочки, чтобы обнять его. Затем, с детской поспешностью, потащила Эбенезера к двери; он был вовсе не прочь следовать за нею. Чемодан молодого Скруджа был уже привязан наверху кареты, и дети поспешили проститься со школьным учителем.

— Она была нежным созданием, которое могло увянуть от дуновения малейшего ветерка, — заметил дух, — но у неё было доброе сердце. Когда она умерла, от неё остались, кажется, дети.

— Один ребёнок, — отвечал Скрудж.

— Да. Твой племянник.

Скруджу сделалось неловко, и он коротко кив-

нул.

Путешественники покинули школу и в тот же миг очутились на многолюдных улицах города, по которым сновали взад и вперёд тени прохожих, мелькали тени телег и карет. По убранству лавок было видно, что и тут празднуется Рождество; только теперь уже был вечер, и улицы были освещены.

Дух остановился у двери конторы оптового магазина и спросил Скруджа, узнаёт ли он место.

— Узнаю ли я! — воскликнул тот. — Я был здесь учеником!

Они вошли. Старый Фецвиг, нисколько не изменившийся, положил перо и посмотрел на часы, которые показывали семь. Он потёр руки, поправил свой жилет и закричал довольным, густым весёлым голосом:

— Эй, сюда, Эбенезер, Дик!

Молодой Скрудж вбежал в комнату со своим товарищем.

— Ну, дети мои, — сказал Фецвиг, — довольно работать! Сегодня канун Рождества! Чтоб ставни были заперты в одно мгновение ока!

Ставни были закрыты, уборка была окончена в минуту. Всё, что стояло в комнате, было унесено, пол выметен и вымыт, лампы заправлены, камин

затоплен, и контора обратилась в бальный зал, такой уютный, тёплый, сухой и светлый, какого только можно желать в зимнюю ночь.

Вошёл скрипач с нотами, уселся за высокий пюпитр и начал играть. Вплыла госпожа Фецвиг, лучась добродушной улыбкой, появились три девицы Фецвиг, свеженькие и прелестные, за ними шесть молодых ухажёров, сердца которых принадлежали молодым девушкам. Пришли все служившие в доме: горничная со своим двоюродным братом, булочником; кухарка с молочником, близким приятелем её брата; мальчик, которого привели с улицы, подозревая, что хозяин недостаточно накормил его; девочка, жившая по соседству… Все они, в двадцать пар, пустились танцевать. Отдыхали, опять танцевали; потом играли в фанты, снова танцевали. Затем было подано обильное угощение. Чего там только не было! Когда пробило одиннадцать, бал прекратился. Хозяева, провожая гостей, желали всем весело провести Рождество. Смолкли весёлые голоса, и наши ученики отправились в заднюю комнату спать, восхваляя от всего сердца доброту и щедрость Фецвига.

Во время всего этого действия Скрудж был в крайнем волнении. Сердце и душа его были там,

он узнавал каждую вещь, радовался своим воспоминаниям. Дух пристально наблюдал за ним.

— Какие пустяки наполняют благодарностью этих глупых людей! — сказал наконец дух. — Хозяин истратил немного вашего бренного металла, три или четыре фунта, не более. Разве это так много, чтобы заслужить такую похвалу?

— Не в том дело, думаю, — отвечал Скрудж. — Хороший наставник обладает силой делать вас счастливыми или несчастными; делать ваше служение лёгким или тягостным, обратить его в удовольствие или в мучение. То счастье, которое он доставляет, стоит целого состояния. Только…

— В чём дело? — спросил дух.

— Нет, ничего. Я только желал бы сказать несколько слов своему писцу.

И снова старый Скрудж и дух отправились в путь.

Опять банкир увидел себя прежнего. Теперь он был старше, молодым человеком в цвете лет. Лицо его уже носило в себе признаки заботы и скупости, в глазах виднелось какое-то беспокойное, алчное выражение, которое обнаруживало, какого рода страсть пустила в нем корни.

Он был не один: рядом сидела красивая молодая девушка с глазами, полными слёз.

— Ничего, — говорила она тихим, нежным голосом, — пусть другой идол заменил меня, и если он может веселить и поддерживать вас, как я старалась это делать, то у меня нет серьёзной причины горевать.

— Какой идол заменил вас? — спросил юноша.

— Золотой.

— Таково было требование света, — сказал он. — Свет ни к чему так строго не относится, как к бедности, хотя делает вид, что осуждает погоню за богатством.

— Вы слишком боитесь света, Эбенезер, — кротко возразила она. — Я видела, как все ваши благородные стремления понемногу поглощались вашей страстью — наживой. Раньше вы были другим человеком. Теперь вы изменились, я же не изменилась ни в чём. Мы стали людьми совершенно различными, я возвращаю вам свободу.

— Разве я когда-нибудь добивался её?

— Словами — нет, никогда. Но могу ли я теперь поверить, что вы выбрали бы бесприданницу — вы, который взвешивает всё прибылью? А если бы выбрали, за этим последовали бы раскаяние и сожаление. Дай бог, чтобы вы были счастливы в той жизни, которую себе избрали!

Она вышла, и они расстались.

— Дух, — воскликнул Скрудж, — не показывай мне ничего больше! Веди меня домой! К чему тебе наслаждаться моими мучениями?

— Посмотри ещё одну тень прошлого, — ответил мрачно дух.

Они очутились в другом месте и в другой комнате, не очень большой, но чрезвычайно уютной. Около камина сидела прелестная молодая девушка, до того похожая на ту, которую они только что видели, что можно было подумать, что это она. Но скоро Скрудж убедился, что это дочь первой: он увидел и прежнюю, которая теперь стала почтенной матерью семейства, она сидела напротив. В комнате было так много детей, что их невозможно было сосчитать. Царила невероятная суматоха, но мать и дочь от души смеялись и радовались детскому веселью.

Вдруг послышался стук в дверь; детвора стремительно бросилась навстречу отцу, который возвращался домой с игрушками и подарками на Рождество. И началось настоящее безумие: дети ставили стулья, чтобы взбираться по ним, как по лестницам, отбирали пакеты, завёрнутые в серую бумагу, висли у отца на шее, хлопали его по спине, и всё это с любовью и смехом.

Затем последовал новый взрыв восторга при открывании каждого пакета. Нет способа описать всю радость, благодарность и восторг детей. Это продолжалось, пока дети не отправились спать.

Теперь хозяин дома, нежно обнимая свою старшую дочь, уселся возле камина. Скрудж подумал, что эта милая прелестная девушка могла бы и его называть отцом и стать весенним лучом в суровой зиме его жизни, и слёзы навернулись на его глаза.

— Дух, — произнёс Скрудж надорванным голосом, — уведи меня отсюда.

— Я показываю только тени минувшего, так что не меня обвиняй, что они похожи на действительность.

Скрудж почувствовал себя утомлённым, на него напала неодолимая дремота. Он очутился в своей спальне и едва успел, шатаясь, добраться до своей постели, как погрузился в тяжёлый сон.

Глава III
Второй из трёх духов

Скрудж проснулся как раз вовремя для свидания со вторым духом, посланным Якобом Марли. И он вовсе не был готов к тому, чтобы не произошло ровно ничего: когда колокол пробил час и никто не явился, им овладел сильный страх. Прошло пять минут, десять, четверть часа — никто не появлялся. Но откуда-то шло неясное свечение, потому он тихо встал с постели и, шлёпая туфлями, направился к двери в соседнюю комнату.

Комната была, без сомнения, его собственная; но она очень переменилась: стены и потолок были убраны свежей зеленью, в углах горели ярко-красные ягоды. Блестящие листья остролистника, омелы и плюща отражали свет, будто маленькие зеркала; в камине горел сильный огонь, какого этот тёмный окаменелый очаг не видал уже много лет — с тех пор, как Скрудж и Марли поселились в доме.

На полу были навалены индейки, гуси, дичь, куры, колбасы, большие куски мяса, поросята, длинные гирлянды сосисок, мясные пироги, пу-

динги, бочонки с устрицами, горячие каштаны, краснощёкие яблоки, сочные апельсины, белобокие груши, огромные сладкие пироги; всё это наполняло комнату чудесным запахом щедрого рождественского праздника.

Удобно поместившись на этом ложе, красивый весёлый юноша, очень привлекательный на вид, держал над головой горящий факел, осветив Скруджа, когда тот выглянул из-за двери.

Он был одет в простую зелёную мантию, опушённую белым мехом. На голове был венок из зимней зелени, украшенный сверкающими льдинками. Тёмно-каштановые локоны вились по плечам, доброе лицо было открыто, голос весел. Весь он дышал радостью и непринуждённостью.

— Я дух нынешнего Рождества! — представился гость.

Он подхватил нашего героя, и в тот же миг они очутились на улицах города в рождественское утро. Дома́ казались мрачными, а окна ещё мрачнее в сравнении с гладкой белой снежной скатертью на крышах. Хотя ни город, ни погода не представляли ничего особенно весёлого, воздух оглашался таким весельем, какого не могли бы дать ни тёплый летний воздух, ни яркое летнее солнце.

Люди, сгребавшие снег с крыш, весело перекликались друг с другом и перебрасывались снежками. Мясные лавки ещё только открывались, а фруктовые блестели роскошью: тут были большие пузатые корзины с каштанами, рыжий испанский лук, груши и яблоки, сложенные в большие разноцветные пирамиды, на самых видных местах висели спелые виноградные гроздья, груды орехов напоминали о прогулках по лесам, оранжевые и сочные апельсины, казалось, упрашивали, чтобы их унесли домой и съели после обеда. А лавки с колониальными товарами! Смешанные ароматы кофе и чая приятно щекотали обоняние, миндаль сверкал белизною, палочки корицы головокружительно пахли,

засахаренные фрукты были обильно посыпаны сахаром. Вокруг царила атмосфера радостного ожидания чуда.

Тем временем наши путники достигли предместий города. Дорога привела их к дому писца Скруджа, его звали Боб Крэчит, и дух благословил его небогатое жилище и окропил несколькими каплями из своего факела. Подумайте только! Боб получал всего пятнадцать шиллингов в неделю, а дух настоящего Рождества благословил его скромную небольшую квартирку.

Госпожа Крэчит, жена его, одетая очень бедно, но украшенная лентами, накрывала на стол вместе с дочерью, сын Питер пробовал вилкой, сварился ли картофель. Два младшие Крэчита — мальчик и девочка — скакали вокруг стола, восхваляя до небес Питера, который, громко ударив в крышку кастрюли, возвестил, что картофель пора вынуть и очистить.

Все в нетерпении ждали отца, который должен был прийти с минуты на минуту. Наконец он появился, неся на плечах маленького Тима, ибо, увы, Тим носил костыль и ножки его были заделаны в железные лубки.

— Как вёл себя Тим в церкви? — спросила госпожа Крэчит.

— Как золотой мальчик, даже лучше. — отвечал Боб, — Возвращаясь домой, он сказал, что было полезно напомнить своим видом в день Рождества о Том, кто заставлял хромых ходить и слепых видеть.

Голос Боба задрожал, когда он говорил это, но тут Питер и вездесущие молодые Крэчиты торжественно внесли гуся.

Гусь произвел такое волнение, как будто он самая редкая птица, — и вправду, в этом доме гусь являлся очень редко. Последние приготовления к рождественскому столу были закончены, и все уселись на свои места. Боб произнёс молитву, а госпожа Крэчит разрезала гуся. Какой это был гусь! Нежность, аромат, вкус его вызывали невообразимый восторг.

Дальше — пудинг! Вокруг разнёсся такой запах, какой может быть, только если пудинг удался! Наконец обед был окончен, скатерть снята. Всё семейство уселось у камина. Каштаны с шумом шипели и трещали на огне. Боб торжественно пожелал всем радостного Рождества. Всё семейство в один голос повторило его слова, а Тим после всех произнёс:

— Да будет над каждым из нас благословение Бога, его любовь и благодать.

— Дух, — сказал Скрудж с выражением участия, которое было ему чуждо, — скажи мне, будет ли жить Тим?

— Я вижу пустое место в углу около камина, — ответил тот, — и бережно сохраняемый в семье одинокий костыль. Если эти тени не изменятся в будущем, то ребёнок умрёт.

— Нет, нет, — воскликнул Скрудж. — О нет, добрый дух, скажи, что он будет спасён!

— Если эти тени не изменятся в будущем, — повторил дух, — он не встретит следующее Рождество. Но что с того? Пускай умирает: он этим уменьшит излишек народонаселения.

Скрудж наклонил голову, услыхав свои собственные слова, им овладели раскаяние и грусть. А дух продолжил:

— Если у тебя человеческое сердце, а не камень, не повторяй этих злых, фальшивых, глупых слов, пока ты не узнаешь, что такое излишек народонаселения и где он находится. Тебе ли решать, кому жить и кому умирать? В глазах Бога ты, может быть, менее достоин жить, нежели миллионы таких бедных детей.

Скрудж, услыхав этот упрёк, склонил голову и опустил глаза. Но быстро поднял их, услыхав своё имя.

— За здоровье мистера Скруджа! — провозгласил Боб. — Пью за здоровье господина Скруджа, которому мы обязаны этим пиром.

— Которому мы все обязаны этим пиром?! — воскликнула госпожа Крэчит, краснея от волнения. — Я бы желала, чтоб он был здесь. Я бы высказала ему своё мнение о нём, пусть бы он его скушал с аппетитом. Только в такой великий праздник и может случиться, чтобы кто-то желал здоровья такому отвратительному, скупому, злому, бесчувственному человеку, как мистер Скрудж. Тебе ли этого не знать, мой бедный.

Очевидно, что Скрудж был страшилищем всего семейства. Одно его имя навлекло тёмную тень, которая не рассеялась в продолжение нескольких минут.

Праздник продолжился. И хотя семейство Крэчитов было отнюдь не богато, еда не изысканной, платья изношены, а Питер, вероятно, был хорошо знаком с кредиторами, Крэчиты были счастливы, благодарны Богу и за то малое, что им даровано. Исчезая, они казались ещё счастливее при свете факела, которым дух благословил их на прощанье. Скрудж до последней минуты пристально смотрел на них и в особенности на маленького Тима.

Между тем стало темно, пошёл сильный снег. Судя по числу людей на улицах, отправлявшихся провести вечер в кругу друзей, можно было подумать, что дома не осталось никого и некому принять гостей. Но, напротив, каждый дом ожидал гостей, и в каждом доме ярко и весело пылали камины. О, как дух радовался всему! Он посылал каждому дому свои благословения. Все были веселы, все радовались.

Дух привёл Скруджа к мрачному и пустынному болоту, на котором были нагромождены чудовищные массы камней, придававшие всей местности устрашающий вид. Ничто не росло здесь, кроме мха, терновника и жёсткой травы. Здесь жили рудокопы, работающие в недрах земли, но и они встречали Рождество.

В окне одной лачуги горел свет, и дух со Скруджем увидели весёлое общество, собравшееся вокруг пылающего огня. Все были одеты в лучшие праздничные платья, старик пел рождественскую песнь, время от времени все хором подхватывали её.

Но дух вёл Скруджа дальше. Куда? Не к морю же? Именно к морю. В нескольких милях от берега, на мрачной гряде подводных скал, где круглый год разбивались кипучие волны, стоял одинокий

маяк. Но даже здесь два человека, смотревшие за маяком, развели огонь, пожелали друг другу радостного Рождества и один из них затянул громкую песню, похожую на завывание бури.

Дух снова пустился в путь над тёмным и мрачным морем, удаляясь от берега, пока они не спустились на какой-то корабль. Рулевые, вахтенные на баке, офицеры на вахте — все эти тёмные фигуры казались привидениями на своих постах, но каждый напевал вполголоса рождественскую песнь или думал о Рождестве. И каждому человеку на корабле случилось в этот день чаще, чем обычно, сказать доброе слово своему ближнему, каждый вдали от дома вспоминал своих близких и знал, что в этот день они с любовью вспоминают о нём.

Но тут издалека донёсся громкий заливистый хохот, и Скрудж узнал в нём голос своего племянника. Они очутились в его комнате, украшенной к Рождеству. Племянник Скруджа хохотал, держась за бока, жена вторила ему, их заразительный смех подхватили собравшиеся у них друзья.

— Он сказал мне, что Рождество — вздор! — воскликнул наконец племянник Скруджа. — И ещё сам верит этому. Конечно, он не так любезен, как мог бы быть. Однако творимое им зло наказывает

его самого, и потому я не могу сердиться.

— Но ведь он очень богат, Фред, — проговорила его жена.

— Что толку в его богатстве, моя милая: оно не приносит ему никакой пользы, он не делает из него никакого добра, он даже на себя его не тратит, даже не тешится мыслью — ха, ха, ха! — что богатство его достанется когда-нибудь нам.

— Я его терпеть не могу, — сказала жена.

— А я вовсе нет. Мне жаль его. Кто страдает от дурного характера? Он сам. Например, он вбил себе в голову не любить нас и отказался прийти обедать с нами. В итоге он теряет обед, хотя и не бог знает какой. И более весёлое общество, чем найдёт наедине со своими мыслями в сырой конторе или в своих пыльных комнатах. Я намерен приглашать его каждый год, как бы он это ни принял, потому что мне жаль его.

Теперь настала очередь всему обществу смеяться над Фредом за его надежду поколебать Скруджа, но по своему добродушию он не очень обращал внимание на это.

После чая весёлая компания занялась музыкой и пением. Жена племянника Скруджа сыграла на арфе маленькую арию, очень простенькую, которую пела и девочка, приезжавшая в школу

за Эбенезером, как о том напомнил ему дух прошедшего Рождества. Под звуки этой арии сердце Скруджа таяло. Он подумал о том, что если бы он мог много лет тому назад чаще слышать эту песенку, то устроил бы свою жизнь совершенно иначе и жил бы счастливо.

Но не весь вечер был посвящён музыке. Немного спустя общество стало играть в жмурки, потом в фанты. Скрудж также принимал участие в игре; он совершенно забывал, что голос его не был слышен остальным: громко высказывал свои догадки и нередко отгадывал совершенно верно.

После началась другая игра. То была игра в «да и нет». Племянник Скруджа должен был загадать

что-нибудь, а остальные отгадывать, при этом он мог отвечать на их вопросы только словами «да» или «нет». Из ответов на многочисленные вопросы, посыпавшиеся на Фреда, оказалось, что им загадан живой зверь, неприятный, дикий, который иногда ворчит, иногда хрюкает, иногда говорит, живёт в Лондоне, ходит по улицам, его не водят напоказ, он не живёт в зверинце и не предназначен на убой, он не лошадь, не осёл, не корова, не бык, не тигр, не собака, не свинья, не кошка, не медведь.

Наконец его полненькая сестра воскликнула:

— Я отгадала! Я знаю, что это такое, Фред! Это ваш дядя, Скру-у-удж!

Она угадала и тем вызвала общий восторг. Племянник же предложил тост за здоровье дядюшки:

— Он достаточно повеселил нас сегодня. Каков бы он ни был, дай бог ему весёлого Рождества и счастливого нового года. Он не хотел принять от меня этого пожелания, но всё же пусть оно исполнится. За здоровье дядюшки Скруджа!

Скруджу стало так весело и легко на душе, что он охотно поблагодарил бы не слышным никому голосом всю компанию, если бы дух дал ему на это время. Но вся сцена унеслась вдаль, и наши

путники были опять в дороге…

Они летали очень далеко; видели многое, посетили множество домов, и каждый их визит приносил радость: больным становилось лучше, изгнанники, казалось, становились ближе к дому; к людям возвращались надежда и силы. То была длинная ночь, и она подходила к концу, тяжёлый сон сомкнул веки нашему герою.

Глава IV
Последний из духов

Скрудж проснулся, когда прозвучал последний удар колокола, и вспомнил предсказание старого Якоба Марли. Подняв глаза, он увидел страшное привидение огромного роста, закутанное с головы до ног в чёрное одеяние, скрывающее голову, лицо, формы тела и оставлявшее на виду только одну простёртую руку. Сам воздух, окружавший привидение, распространял, казалось, мрак и таинственность. Тихо, торжественно и молчаливо оно приближалось. Когда дух подошёл близко, Скрудж, наполненный ужасом, опустился на колени.

— Дух будущего! — воскликнул он. — Я боюсь тебя более, нежели всех духов, которых я видел до сих пор. Но я надеюсь сделаться другим человеком и готов благодарно следовать за тобой. Веди же меня!

Привидение двинулось вперёд так же плавно, как появилось. Они очутились в самом центре города — на бирже, среди деловых людей. Одни быстро ходили взад и вперёд, другие, позвякивая деньгами в кармане, разговаривали; кто глядел на часы, кто задумчиво вертел свои большие золотые печати, — всё так, как часто видел Скрудж и до этого.

Дух остановился у небольшой группы дельцов, которые обсуждали смерть одного из банкиров: его некому даже было проводить в последний путь. Но, казалось, эта печальная новость говорящих ничуть не тронула: их больше интересовало, кому достанутся деньги и будет ли вкусным угощение на поминальном обеде, если уж они туда пойдут.

Дух указал на следующих двух собеседников. То были очень богатые и значительные банкиры, чьим мнением всегда дорожил Скрудж.

— Старый скряга получил наконец своё, не так ли?

— Да, так говорят, — ответил второй. — Холодно, не правда ли? Впрочем, как всегда на Рождество.

И разговор их иссяк, с тем они и расстались.

Скрудж стал размышлять над тем, какое скры-

тое значение могут иметь показанные сцены. Едва ли эти разговоры могли относиться к смерти Якоба, его старого компаньона, поскольку то было в прошлом, а этот дух имел дело с будущим. К кому же тогда? Он решил наблюдать за своей собственной тенью, когда она появится; но не видел в толпе никого, похожего на себя. Однако он понадеялся, что это связано с его решением переменить свою жизнь: возможно, изменения уже начались.

Они покинули шумную и деятельную биржу и отправились в мрачную часть города, в которой Скрудж никогда не бывал до сих пор. Улицы были грязны и узки; лавки и дома самой печальной наружности; люди в рваной одежде, в стоптанных сапогах, грязные; весь квартал дышал преступлением и нищетой. Показалась мрачная лавчонка, где покупалось старое тряпьё, бутылки, кости и всякий хлам. Среди этого товара сидел торговец, седой старьёвщик лет семидесяти, и курил трубку.

Скрудж и привидение очутились здесь в то самое время, когда в лавку прокралась женщина с тяжёлым узлом; следом явилась другая, нагруженная таким же образом; после вошёл человек в поношенном чёрном платье. Все они несли свою

добычу, надеясь выручить хоть какие-то деньги, и вполголоса переговаривались:

— Я думаю, этот скряга после смерти не станет страдать от потери нескольких вещей.

— Если бы он был подобрее, то кто-нибудь ухаживал бы за ним, когда наступал день его смерти, и не лежал бы он в свой последний час один-одинёшенек.

— Вот и конец ему, при жизни он всех отталкивал от себя — видимо, для того, чтобы мы были в выигрыше после его смерти. Ха-ха-ха!

Человек в чёрном взял на себя смелость показать свою добычу. Она была невелика: одна или две печати, ящик для карандашей, пара запонок, булавка небольшой цены, вот и всё. Старьёвщик осмотрел каждую вещь, подвёл итог и назвал свою цену.

Следом была прачка. Её добычей были простыни, полотенца, кое-какая одежда, две старомодные серебряные чайные ложки, пара сахарных щипчиков и несколько пар сапог.

Подёнщица, развязав с трудом свой узел, вытащила большой и тяжёлый свёрток тёмной материи. Это оказался полог с кровати! А также одеяло и рубашка умершего человека.

Скрудж смотрел на эту картину с ужасом. Люди,

собравшиеся вокруг своей добычи при тусклом свете лампы старика, внушали ему отвращение.

— Дух, — воскликнул он, дрожа всем телом, — я вижу, судьба моя могла бы быть похожа на судьбу этого несчастного; вся моя жизнь вела к тому. Боже милосердный!

Скрудж в испуге отпрянул: место действия переменилось, и он увидел голую кровать без полога. Слабый свет, проникавший снаружи, освещал тело умершего человека, одинокого, ограбленного, брошенного. Никто не оплакивал его.

Жалость охватила Скруджа: «Что, если бы воскресить этого человека! Какие были бы его воспоминания? Скупость, угрюмость, жестокость и заботы о наживе. Да, они привели его к богатому концу, нечего сказать! Он лежит в тёмном, пустом доме, и нет ни одного человека, ни женщины, ни ребёнка, кто пожалел бы о нём».

— Дух, — произнёс он, — если есть в городе кто-нибудь, кому небезразлична смерть этого человека, умоляю, покажи мне его.

Привидение развернуло, подобно крылу, своё чёрное одеяние, и тотчас появилась комната при дневном свете, в которой сидела мать с детьми. Она ожидала кого-то с видимым нетерпением: ходила взад и вперёд по комнате, выглядыва-

ла в окно, смотрела на часы. Наконец раздался давно ожидаемый стук в дверь; она выбежала встретить своего мужа, человека молодого, на лице которого был отпечаток забот и печали. На вопрос о том, какие новости он принёс, ответил мрачно:

— Дурные.

— Мы совсем разорены? Он так и не смягчился?

— Нет, Каролина, есть ещё надежда. Он более не в состоянии смягчиться, — ответил муж, — он умер.

Услыхав это, она обрадовалась, хотя тотчас раскаялась:

— Как жаль! Кому же будет переведён наш долг?

— Не знаю; но неужели мы так несчастны, что его наследник будет таким же немилосердным кредитором? Эту ночь, Каролина, мы можем спать спокойно.

Да, облегчение было на их лицах. Дети, собравшиеся вокруг, повеселели; вообще, смерть этого человека водворила спокойствие во всём доме.

— Дух, покажи мне какое-нибудь нежное чувство, связанное со смертью, — попросил Скрудж, — а то эта тёмная комната будет вечно у

меня перед глазами.

Дух повёл его по знакомым улицам в дом, где жил бедный Боб Крэчит и где теперь было тихо, очень тихо. Шумные маленькие Крэчиты, смирные, как статуи, сидели в углу и смотрели на Питера, читавшего вслух книгу. Мать и сёстры сидели над чёрным рукоделием. Все ждали Боба, сетуя, что теперь, когда Тима не стало, отец стал ходить медленнее, чем раньше с маленьким Тимом на плечах.

В комнату вошёл Боб в своём неизменном шарфе. Все старались помочь ему, каждый чем мог. И ждали, что он скажет.

— Да, я был там. Приятно видеть, какое это хорошее место, всё покрытое зеленью. Я обещал Тиму, что буду ходить туда гулять каждое воскресенье. Моё маленькое дитя! — воскликнул Боб со слезами.

И разрыдался. Он ещё не примирился с потерей ребёнка.

Затем поднялся в верхнюю комнату, украшенную зеленью, где ещё лежал Тим. Немного придя в себя, поцеловал маленькое личико.

Слегка успокоившись, он спустился вниз. И рассказал о необыкновенной доброте племянника господина Скруджа, который, несмотря на то

что они виделись только однажды, встретив его опечаленным в этот день на улице, предложил свою помощь:

— Казалось, он знал нашего Тима и горевал вместе с нами.

Не было равнодушных к кончине маленького Тима, неутешное горе читалось на лицах братьев и сестёр его. Боб, стоя в кругу семьи, старался обнять и утешить всех сразу:

— Никто из нас не забудет бедного Тима, не правда ли? И вспоминая, как он, хотя и очень маленький ребёнок, был терпелив и кроток, мы не будем ссориться между собою.

— Дух, — сказал Скрудж, — что-то говорит мне, что момент нашего расставанья близок. Скажи мне, кто тот несчастный, лежавший на голой кровати без полога?

Дух будущего Рождества перенёс банкира снова на биржу, но там Скрудж не увидел себя, потом в тот самый двор, где была много лет его контора. Контора была на месте, но не была его конторой. Мебель была не та, и человек, сидевший на стуле, был вовсе не он.

Но дух вёл его дальше, пока путники не оказались на кладбище. Так здесь-то Скрудж наконец увидит имя несчастного! Дух стоял между мо-

гилами, указывая на одну из них, — запертую вокруг высокими надгробиями, заросшую сорными травами и заброшенную. Банкир снова обратился к привидению:

— Образ жизни людей предсказывает им известный конец. Если же они изменят этот образ жизни, то и конец изменится, не так ли? Скажи, что это возможно, что так будет и с тем, что ты мне показываешь.

Дух оставался недвижим. Тогда несчастный приблизился, дрожа всем телом, и прочёл на покинутой всеми могиле своё собственное имя: Эбенезер Скрудж.

— Нет! — воскликнул он, упав на колени. — Человек, лежавший на той кровати, — я?!

Дух не отвечал.

— Послушай меня! Я теперь уже больше не тот, каким был прежде. Я не хочу быть таким, каким бы сделался. Зачем же показывать мне всё это, если нет больше надежды на моё исправление! Уверь меня, что я могу изменить тени будущего, показанные тобою!

Дух молчал по-прежнему.

— Я буду почитать в своём сердце Рождество и буду стараться думать о нём круглый год. Духи прошедшего, настоящего и будущего будут всегда

со мной. Я не забуду их уроков! Скажи мне, что я могу стереть надпись с этого камня!

Но дух уже исчез…

Глава V
Заключение

Скрудж оказался в собственном доме. Кровать была его, и комната тоже. Но самое главное — будущее принадлежало ему и было ещё время его исправить.

Он был так взволнован и вдохновлён своими добрыми намерениями, что всё лицо его было покрыто слезами. Схватив полотно своего полога, он воскликнул:

— Его не сорвали! Он здесь; я здесь, и тени того, что могло случиться, могут быть ещё рассеяны и уничтожены! Дай бог каждому весёлого Рождества! Дай бог счастливого нового года всему свету!

Громкий звон колокола остановил его восторги. Скрудж подбежал к окну: ни тумана, ни дыма; ясный светлый холодный день; мороз поёт, солнце сияет золотыми лучами, воздух необыкновенно свеж и приятен, весёлый звон колоколов.

— Какой сегодня день? — крикнул он пробега-

ющему мимо парнишке.

— Да Рождество же Христово!

— Эй, мой славный малый! Не знаешь, продан ли тот огромный индюк, висевший в мясной лавке?

— Он и теперь ещё висит там.

— Ступай, купи его, и я дам тебе шиллинг; если вернёшься менее чем через пять минут, я дам тебе полкроны.

Мальчика как ветром сдуло.

— Я пошлю его Бобу Крэчиту, — прошептал Скрудж, потирая руки. — Он не узнает, кто прислал. Индюк вдвое больше Тима. Вот будет славная шутка!

Подпрыгивая от нетерпения, он заплатил за индюка и за извозчика, чтоб его доставить Бобу, наградил мальчика, оделся в самое лучшее своё платье и вышел наконец на улицу, где народ выходил толпами из домов. Наш герой имел такой весёлый и любезный вид, что трое или четверо добродушных малых пожелали ему доброго утра и весёлого Рождества Христова, и то были самые приятные слова для него.

Он отошёл ещё недалеко, когда встретился с господином почтенной наружности, который накануне приходил к нему в контору с подпис-

ным листом для пожертвований и которому он отказал.

— Милостивый государь, — догнал его банкир, ускоряя шаг. — Как ваше здоровье? Позвольте просить у вас извинения, и не будете ли вы добры… — и Скрудж шепнул ему что-то на ухо.

— Господи! — воскликнул господин, почти задыхаясь, — любезный Скрудж, серьёзно ли вы это говорите?

— И ни одной копейкой меньше! Это то, что мне следовало бы сделать раньше. Заходите, пожалуйста, ко мне. Придёте?

И он пошёл дальше — в церковь, потом гулял по улицам, смотрел на людей, ласкал детей, расспрашивал нищих и чувствовал, что всё это доставляет ему удовольствие. Банкир и во сне никогда не видел, чтобы мог быть таким счастливым. После полудня он направился к дому, где жил его племянник.

— Это я, твой дядя. Я пришёл к обеду. Можно войти?

Можно ли ему войти! Скрудж должен был благодарить Бога, что племянник не оторвал ему рук, пожимая их. Более чистосердечной встречи не могло быть. И жена его, и остальные гости, когда явились, встретили дядюшку так же ласково. Что

за удивительный это был вечер! Какие славные игры! Какое единодушие! Какое счастье!

На другое утро Скрудж пришёл в свою контору вовремя. Часы пробили девять — Боба нет; четверть десятого — нет. Он опоздал ровно на восемнадцать минут с половиною. Скрудж сидел перед широко раскрытой дверью, чтобы сразу увидеть клерка, когда тот войдёт.

Боб, появившись, в один прыжок оказался в каморке на стуле, скрипя пером, будто хотел догнать ушедшие восемнадцать минут.

— Эй! — закричал Скрудж. — С чего это ты приходишь в такой час? Я не намерен более этого терпеть, и потому хочу увеличить твоё жалованье.

Боб задрожал от неожиданности, у него блеснула мысль позвать с улицы народ на помощь и послать за смирительной рубашкой.

— С праздником Рождества Христова, Боб, — сказал Скрудж совершенно серьёзно, подойдя ближе. — Дай Бог тебе радостного Рождества, мой добрый друг. Я увеличу тебе жалованье и постараюсь помочь вашей бедной семье. Затопи-ка потеплее камины.

Скрудж исполнил всё, что обещал, и даже гораздо больше; что же касается Тима, который остался

жить, то наш герой стал для него вторым отцом.

Бывший скряга сделался таким добрым другом, щедрым хозяином и отзывчивым человеком, каких только знал добрый старый Лондон.

Некоторые смеялись над происшедшей в Скрудже переменой, но он не обращал на это никакого внимания. Он сам в душе смеялся и был вполне доволен собой.

После этих волшебных ночных путешествий Скрудж уже не встречал духов, но на всю жизнь усвоил их уроки. Он стал любимым заботливым дядюшкой для своего племянника и его семьи, добрым отзывчивым хозяином для работников своей конторы, щедрым пожертвователем на любое благое дело и всегда руководствовался любовью к ближним, умея отказывать себе и всегда помогать другим. И про него говорили, что если кто умеет истинно чтить Рождество, то это именно он.

Дай бог, чтобы то же самое можно было сказать обо всех нас!